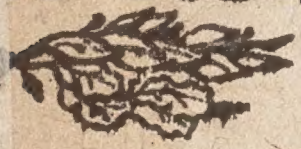
B107946

ФРОНТ
И ТЫЛ



НАТАН РЫБАК

СОЛНЦЕ БАШКИРИИ

США
Фронт. б-ка

Р197 946

Смерть немецким оккупантам!

„ФРОНТ и ТЫЛ"

НАТАН РЫБАК

СОЛНЦЕ БАШКИРИИ

ОЧЕРКИ

СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ
1943

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

776339

СОЛНЦЕ БАШКИРИИ

I

...Я услышал эту песню в степи. Полуденный зной спадал за горизонтом. Легкие, прозрачные облака скользили в небе. Порывистый ветер шевелил низкорослые кусты.

Чабан Гатиат спрятал на груди курай, разгладил седые усы и улыбнулся всезнающей теплой улыбкой.

Гора Изенгиль поднималась в степи, словно утес. У ее подножья колыхалось волнистое море овец, и тревожное блеяние раздавалось в тишине.

Сед и мудр чабан Гатиат. Много лет прожил он среди этих просторных степей. Много видел. Много знает. Одних песен и дум в памяти его больше ста. А каждая песня— жизнь; а иногда — много жизней...

Внуки Гатиата на войне. Вся молодежь из села воюет. Прищурив глаза, устремляет свой взор Гатиат в степь, где в тени садов

алеют черепичные крыши домов. Вьется над ними призрачно, едва уловимо сизый дымок.

Он смыкает глаза и сидит на уступе скалы молчаливый, спокойный, мудрый. Ровно дышит его широкая грудь и не согнутся его по-молодецкому прямые плечи.

Слова песни, спетой чабаном, унес крылатый ветер в далекую степь, будто зерна посеял в плодоносную землю. Но сокровенный смысл этой песни вечен, как жизнь, как эта бурная, широкая, суровая река, протекающая в пологих берегах. О батыре Салавате спел Гатиат. О силе его и доблести. О честности и бесстрашии.

— Мысль — огниво. Слова — искры. Их высекает мое сердце, — говорит тихо чабан.

И сердце его огнем ясных слов поведало о далеком дне, когда быстрый конь нес на себе отважного седока. И тот седок был могуч и прост. И имя его—Салават—люди произносили, словно молитву.

Поет в песне Гатиат: широки и привольны степи Башкирии, многоводны ее реки, дремучи леса. Земля ее плодоносна, богата золотом и железом. Но не тем славна страна, не тем горда...

Человек — сын земли этой привольной, башкир — преданный родине своей, — вот чем горда Башкирия; вот чему несказанно рада она.

В шатер кочевника вошел Салават. Увидел голод и нищету под дырявым покровом. Ручки детей тянулись к нему. Губы взрослых просили хлеба.

И Салават сказал: хорошо. Но хлеб чтобы родился, надо вспахать землю и в землю посеять зерно. И ждать, пока заколосится оно над степью буйным, золотым морем. И сжать его острыми серпами. Но у вас нет зерна, и нет серпа, и нет сохи. И земля — не ваша. Выходите из шатра. Возьмите мечи и ступайте за мною, за реку Белую. Выпрягайте коней из кибиток и седлайте их. Садитесь в седла и скачите за мной. И придет день, когда мы перекуем мечи на косы; и тогда земля будет вспахана нами...

И Салават, как ветер, летит от юрты к юрте. И морем людей закипает башкирская степь.

— Много вод утекло, много бурь прошумело, — шепчет чабан Гатиат. — Правнуки, Салават, твои свободны и веселы. Владеют они своей страной. Русский батыр, брат их, друг, помог им. Но горе снова пришло, горе, меченое дьявольским паучьим знаком немца, распростерло черные крылья свои над родными нам землями, сестрами нашими.

Снова конь быстрее молнии несет Салавата от села к селу, от города к городу.

Не узнает Салават своего края. Нет ни

юрт, ни кибиток. Красуются белостенные дома. Тракторы пашут землю. Великаны-заводы стоят в степи. Веселы и сильны правнуки твои, Салават.

На них поднят меч... И нет уже улыбки на устах. Они вынули из ножен свои мечи и оседлали боевых коней... Они слушают твой боевой клич, Салават.

— Вперед! За Родину!

И они отвечают:

— Идем.

И горы Урала, и реки Башкирии, и вышки Ишимбая, и чащи лесов откликаются могучим эхом:

— Идем!

Страшен в гневе своем правнук Салавата. Сердце пращура живет в его груди.

...Падает густой декабрьский снег. Отшумела осень в степи дождями. Седой Гатиат сидит по вечерам в избе-читальне и внимательно глядит в черный круг репродуктора. Он ждет вестей с далеких полей, на которых кипит битва. И ему чудится, что бранную музыку сечи доносят ветры в тихое степное село.

Колхоз Гатиата богат. И чабан гордо говорит:

— Я богат.

Колхоз его послал на войну молодых и сильных. И старик говорит:

— Мои дети немцев бьют.

Соседка письмо получила — сын пал смертью храбрых. И Гатиат, вытирая слезы, шепчет:

— Сын мой погиб... Братья отомстят за тебя...

...И когда по вечерам стучится в маленькие заиндевевшие окна злой ветер, когда ночь бархатной синевой окутывает дома и степь, старик из-за пазухи достает курай — желтую, тоненькую трубку, сделанную его руками, прислоняет к губам, и слушают девушка и старики, юноши и детвора, слушают, словно зачарованные, печальную и радостную песню о солнце, горячем, степном, медноликом солнце Башкирии, которое ласкает верных сынов земли родной и испепеляет гибельным огнем трусов и предателей. О солнце Башкирии, шлющем процветание на землю, рождающую злаки, и иссушающем реки, из которых хочет напиться враг.

Стучит декабрьская вьюга в окно. Стелет зима снежные ковры в широкой степи. Мудрую песню, полную проникновенной веры и силы поет старик Гатиат.

II

Сюда не доносится эхо боя. Город далек от фронта. По ночам только бураны громы-

хают по крышам и рвут ставни на старых деревянных домах. Словно прямые реки—на все стороны, будто устремились в степь,— разбежались многолюдные улицы Уфы—столицы Башкирии.

Город далек от фронта. Но сердца людей близки к нему. Дыхание боя овевает их. Люди живут фронтом. Они поднимаются на работу, когда в окнах рождается рассвет, внимательно и запоминающе выслушивая первое сообщение Советского Информбюро. Ласковая улыбка озаряет лицо, когда диктор сообщает об успехах наших войск; а слова о неудачах рождают в сердцах острое и горячее чувство мести. И там, у станков, на своих рабочих местах они удваивают свою трудовую энергию, силу которой ощутит ненавистный враг.

Вторую военную зиму столица Республики встречает спокойно и уверенно, как опаленный огнем сражения воин. Совсем недавно вот по этой просторной боковой улице, носящей имя отважного героя обороны Ленинграда — Худайбердина, проходили в конном строю славные конники-башкиры. Держась за стремена или луку седла, шли рядом с ними матери и отцы, сестры и невесты, провожая их на войну.

На ветру пламенело алое знамя. Золотились трубы оркестра. Конники сидели в сед-

лах степенно и властно, устремив острые взгляды в синюю даль.

Торжественное и тревожное молчание царило на улице. Только звон уздечек и топот копыт звучали в тишине, как ритм одной песни.

Матери благословили сыновей на бой. Отцы сказали им на прощание:

— Воюйте, как Салават. Помните, — деды ваши входили в Париж, а отцы и братья защищали Ленинград, били Врангеля и прославились под знаменами Чапаева...

Минули месяцы. Лихо и победно звенят на поле брани клинки башкирских конников. Мертвые головы немцев катятся и стучат по мерзлой земле.

Об их бессмертных подвигах слагают прекрасные стихи поэты Кудаш и Бикбай. В волнующей поэме воспел родных героев Нигмати.

По ночам, когда степной ветер стучится в дверь дома, на тихой ли улице Уфы, или в далеком селении Ингаза просыпается мать, не смыкает глаз жена, — шепчут в ночь, в тишину, веря свято, что слова сердец их донесет ветер к близким:

— Убей немца! Убей!

Поднимается солнце над Башкирией. Встает румяный день над Уфой. Но и ночью не спал город. Нескончаемым потоком грохочут

по мостам через Белую железнодорожные составы. Убегают на запад сотни цистерн ишимбаевского бензина, длинные вереницы закрытых заснеженным брезентом платформ увозят грозное оружие, рожденное в стенах башкирских заводов.

Вторая военная зима. Уфа теперь хорошо знает, что такое война. Война приходит в дом не только сообщением Информбюро. Она врывается квадратом бумаги, на котором мать читает о смерти сына, жена узнает, что она — вдова.

Люди плачут. Конечно, плачут. Но эти горестные слезы не рождают безволия. Нет. Эти слезы может высушить только месть. Святая месть.

На перроне Фатима Айвазова провожает юношу — второго сына. Старший — минометчик — погиб.

— Поезжай, сын мой, поезжай, отомсти за брата.

Старуха вытирает слезы и глядит на запад. Скоро поезд уйдет. Маленькая, седая, она, быть может, в последний раз прижимает к широкой груди своего любимого сына.

Уходит поезд. Вот скрылся за поворотом последний вагон. Фатима возвращается домой. Она сидит за столом задумчивая, молчаливая, Невестка-вдова уходит на вечернюю смену на фабрику. Из окна видит старуха

шумную улицу Ленина. Пробегают переполненные трамваи, рассыпая частые звонки. Катятся автомобили. Рысцой проносятся лошади с санками. Идет твердым шагом красноармейская часть.

Фатима смотрит в окно долго, внимательно. Глаза ее сухи. Горячее пламя ненависти к врагам горит в них неугасимо. Она понимает — сын уехал на фронт, смерть, быть может, ждет его, но немец—хуже смерти.

Старуха на рассвете уходит из дому и возвращается с трехлетним мальчиком:

— Вот, Степой звать. Будет у нас сын. В детском доме взяла. Воспитаем, дочка. Отца и мать его немцы убили в Чернигове... Где такой город, дочка?

— На Украине, мама, — отвечает невестка, лаская ребенка.

— Далеко... от нас...—и, склонившись над ребенком, старуха шепчет: — Ничего, Степа, мой Баязит отомстит проклятым. За все отомстит.

...День в Уфе,—зимний, короткий день, — наполнен заботами. Город живет войной, ее нуждами, ее требованиями. Но город и его жители продолжают начатое в дни мира, терпеливо множат счет своих достижений.

Братское единение с людьми, приехавшими с запада, привезшими с собой заводы, лабо-

ратории и библиотеки, обогащает Республику и ее столицу.

За станками в Белорецке, у буровых скважин Ишимбая, на золотых приисках над драгами, в институтских залах, на сценах театров, в типографиях—рядом стоят тесно, плечом к плечу башкир, русский, украинец, белорусс, еврей.

Я слышал, как фронтовик-украинец, ехавший в отпуск к семье, говорил:

— Еду домой, в Уфу.

— Наш дом — ваш дом, — сказали башкиры своим братьям, на землю которых пришли орды фашистов.

Солнце Башкирии своим теплом согревает сердца сирот и вдов, вселяет надежду и веру в недалекий день победы.

В Уфе есть небольшой, аккуратный домик под зеленой крышей. К нему идут ежедневно: словно путников родник — манит он. В домике под зеленой крышей в 1900 году жил Владимир Ильич Ленин. Небольшой мезонин в купеческом доме несколько месяцев был для Ильича приютом. Тут проводила свою ссылку Надежда Константиновна Крупская. К ней в гости приезжал сюда Владимир Ильич. У этого окна стоял Владимир Ильич и глядел в широкий простор башкирской степи, открывавшейся в узкой раме.

Быть может, именно здесь нашла свое под-

тверждение мысль его, выраженная в словах о невыносимом гнете и произволе царизма в Башкирии.

Скупые строки воспоминаний сохранили нам глубокий интерес вождя к трудолюбивому народу,—ленинскую заботу о его судьбе.

...И к домику, к Ленинскому домику на заснеженной улице имени Достоевского, люди тянутся, как к роднику. Вот пришли ученики ремесленного училища. Затаив дыхание, стоят они у витрин, раскрывающих перед ними мудрую повесть о жизни великого Ленина. Стоит у витрины колхозник Кокадыров. Он приехал издалека. Приехал проведать в госпитале сына.

А теперь, вот, пришел в домик, где жил Ленин.

В маленьких комнатках рабочие, студенты, ученики, домохозяйки. Сюда тянется нескончаемый поток людей. И отсюда выходят, унося в сердцах ясное чувство веры в жизнь, в победу, в торжество ленинско-сталинской правды.

В селах, в хуторах, в шатрах чабанов на плато гор, в долинах рек, в цехах заводов — знают маленький домик, в котором жил Владимир Ильич. Башкир Баязит, старший сын Фатимы, уходя на фронт, записал в книге,

лежащей на столике у выхода из дома: «Клянусь, Владимир Ильич, бить врагов и мстить за все зло, содеянное ими. Буду драться до последней капли крови и Родины своей не посрамлю».

Он сдержал свою клятву, отважный Баязит.

III

Прекрасна земля Башкирии. Замечательны ее степи. Неисчерпаемы ее богатства. Но еще прекраснее, еще замечательнее — ее люди. Война всколыхнула Республику. Война закалила сердца. Юноши ощутили в себе силу взрослых. И ответственность, выпавшая на их долю, сделала их мужественными. Шестнадцатилетние и семнадцатилетние юноши в цехах Белорецкого завода творят чудеса. Тут давно забыты нормы, определяемые в графиках исполнением на сто процентов. 200—300 процентов — стали обычным явлением.

Горячо и страстно рассказывает председатель Совнаркома Башкирии тов. Вагапов. Сегодня на рассвете он вернулся из района. В его словах еще свежо ощущение недавних встреч с людьми, для которых труд стал тем же фронтом.

Секретарь Обкома говорит о девушках-комсомолках, пришедших из степных дере-

вень к нефтяным вышкам, в стены заводских цехов, о девушках, обретающих профессии высокой квалификации.

В двухэтажном небольшом здании Обкома партии, на прямой заснеженной Советской улице, днем и ночью кипит работа. В тишине, царящей в комнатах и коридорах, приглушенно звучат голоса, тонут в мягких дорожках деловитые шаги. К под'езду непрерывно под'езжают сани, автомобили из дальних районов, из Ишимбая, Стерлитамака, Гафури... В эти дни Обком напоминает штаб фронта, штаб, в котором кипит сложная, кропотливая, упорная работа.

Декабрьская стужа звонко шагает по улицам Уфы. Северные ветры властно стучатся в окна домов. Снегопады и вьюги в степи. Пурга свирепствует на дорогах.

А тут, в Обкоме партии, уже говорят о весне, о будущем севе, о том, что на весну нужно подготовить еще 8000 трактористов, много сотен механиков, агрономов. Нужно выковать тысячи новых мастеров, станкостроителей, паровозостроителей, самолетостроителей.

Из месяца в месяц крепко держит в руках переходное знамя ГКО Н-ский завод. За первенство в соревновании настойчиво и успешно борются нефтепромыслы Ишимбая. В

предгорьях Урала, в привольной степи могучим ключом бьет созидательный труд.

— Все для фронта. Все для победы.

Эти слова в сердце каждого башкира, каждого патриота Республики. Они воплощены, эти слова, в делах. В степи построены гиганты-заводы. То, на что в мирное время требовалось не меньше полутора—двух лет, создано в 2—3 месяца. В прошлую зиму люди на 50-градусном морозе в степи построили цех за 94 дня. Ветер сбивал с ног, срывал с лесов, мороз обжигал лица. Белесым пламенем горели днем костры. Люди шли на стройку, как на штурм.

И завод, который гитлеровская пропаганда об'явила уничтоженным, воскрес в башкирской степи, благодаря героическому труду людей.

Сотни вагонов подарков отправила Республика бойцам Красной Армии. Лучших сыновей своих послала она в ряды Башкирской кавалерийской дивизии. Она вооружила их клинками из стали, рожденной в ее земле, на ее заводах. Снабдила их грозным оружием, выкованным своими руками. И днем и ночью кует Башкирия оружие победы. Устами поэта обращается страна к своим сыновьям:

Если станет шашка тупой,
Я другой клинок тебе дам.
Если конь падет под тобой,
Я другого на смену дам.
Если танк подорвется твой,
Новых десять на смену дам.
Если пушка покинет строй
Сотни новых орудий дам.

Так пишет талантливый поэт Рашит Нигмати, выражая сокровенные чаяния и стремления своего народа.

И вместе с ним восклицает весь башкирский народ мужественным, зрелым голосом мастеров социалистического труда:

Все для боя давать могу.
Чтобы смерть принести врагу.
То не гром — народ говорит:
Сын мой, немца убей, убей!

Этими словами обращается Башкирия, страна солнечного труда, страна творческих дерзаний, к пулеметчику Нарынбаеву, к коннику Гайфум, к наводчику Якупову, к стахановке Банат, к знатному строителю Рахматуллину...

Родина призывает к доблести, к отваге, к бесстрашию. Голосом батыра-джигита Салавата Юлаева призывно обращается она к своим детям:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

— Алга ирек өсен! (Вперед, за Родину!)

И в ответ ей звучит над полями, над горами, над чащами дремучими, над лесом нефтяных вышек — могучее, гордое, твердое, как уральский булат, и верное, как сердце джигита, слово:

— Киттек! (Идем!).

...Солнце поднимается над Уральским хребтом. В длинной, как полет стрелы, песне, поют мудрые старцы в селеньях о великой силе его. Золотые лучи солнца озаряют снеговые просторы страны. Уходят на запад, перерезая степи и леса, горы и реки, синие рельсы железных дорог.

Звенит железным гулом, победным гулом земля Башкирии. На этой земле, под благодатным солнцем, о котором поет чабан Гатиат, словно в саду прекрасном, вековыми дубами поднялись могуче — мужество, отвага, смелость и бесстрашие.

Поет курай. Словно зрелые яркие плоды, роняют уста чабана Гатиата простые слова. В них раскрывается мудрая, земная повесть о солнце Башкирии, столь благодатном и прекрасном. Ибо солнце это — великая правда жизни, правда батырей Ленина, Сталина.

Неугасим свет этой правды. Вечен подвиг героя во имя ее. Во имя ее люди трудятся, сражаются, умирают и побеждают.

Об этом в песне башкирской поется. И песня эта крылато звучит, как гимн, над горными хребтами и привольными степями Башкирии.

ЗЕМЛЯ С УКРАИНЫ

Седина первых заморозков высеребрила ковыль. Утро стекает с горного хребта в широкую степь багровой кипенью облаков.

Иван Пятикоп каждодневно встречает утро в степи по дороге на завод. От рабочего поселка до родного цеха два километра. Шуршит под ногами ковыль. Неслышно скользят в хмуром небе тревожные облака. Свистит в ушах заливисто северный, злой ветер.

Два километра — не бог весть какая даль. Но расстояние совершенно достаточное, чтобы снова и снова дать волю мыслям. Пусть они крылато взмоют над степью. Уйдут за облака. Пронесутся над городами и селами, — туда, к западу. К милой сердцу земле, к отчему дому.

Шевелит ветер седые, запорожские усы

Пятикопа. Докучный его свист навевает горькую думу. Этой думой ведомый, ступает Иван Пятикоп. С нею каждый день входит он в просторный, огромный цех. С нею он стоит за станком. С нею неразлучно сердце его. Слегка постаревшее, усталое сердце.

...Давно минул тот день, а иногда кажется, что все это произошло лишь вчера — красные вагоны уносили на восток добро родной земли. Стоял Иван Пятикоп у дверей вагона, устремив взгляд на запад, куда стремительно убегали от поезда густые леса и золотые, безбрежные нивы.

Ветер иссушил горькую слезу. Кто-то тронул его за плечо. Оглянулся и успокоительно, но твердо сказал:

— Не плачь, стара, вернемся.

И отошел от дверей. И больше не глядел в степь. И не говорил о родном городе, как-будто отрешившись от чего-то важного, большого, переступил порог в неведомое, новое.

Вера в возвращение росла и крепла в сердце старого Пятикопа. А иначе и быть не могло. Два сына его остались на Украине. Два сына бились с проклятым немцем, защищали родной край.

Вспомнился еще в дороге Пятикопу далекий день его молодости в шумных и веселых Сорочинцах, мудрый слепой кобзарь с поводырем-мальчишкой у проезжей дороги. Сто-

ял молодой Пятикоп с хлопцами и слушал дедовы слова, произносимые речитативом под печальные звуки кобзы. Под четкий перестук колес поезда вспоминаются Пятикопу слова давно угасшей в памяти думы.

Синий полдень июня царит на земле. Густой вяжущий запах сена. Тянутся вереницы подвод на ярмарку. Кобзарь сидит на придорожном камне, устремив свой невидящий взор в далекую степь. Люди проходят мимо, люди останавливаются, ловят слова мудрой песни, будто припадают, томимые жаждой, к живительному источнику. И идут дальше, унося в сердцах какие-то новые чувства. И в глазах у них зажигаются светлые, грозные огоньки.

А посреди ярмарки, на площади, два усатых немца в касках, с винтовками наизготовку, прохаживаются — четыре шага влево, четыре — вправо.

...Это 1918 год. Тогда, в тот день, кто-то подлый шепнул на ухо офицеру, о чем пел кобзарь. И слепого старика повесили на площади, а поводыря-мальчишку избили шомполами.

В ту ночь Иван Пятикоп с хлопцами судили немецкого офицера и на утро жители Сорочинец увидели его на виселице вместо кобзаря.

...Знойное лето 1941 года так напоминает

давно прошедшие дни. Вздрагивает на стыках вагон. Поглаживая седые усы, внимательно вглядываясь в лица товарищей, сидящих полукругом на полу вагона, Иван Пятикоп, будто про себя, повторяет вслух:

Ой, не дай, народ, ворогу неситому землю
свою плюндрувати,
Та не дай ворогові-німчурі хліб і воду
свою споживати.
Бо насунув німець на землю нашу чумою,
В кожну хату білостінну входить злою
бідою.
Дитятко від матері кат-німець одриває,
Батька й сина на смерть люту посилає...
Не баріться, брати й сестри! Повставайте
нумо!
Кличе вас спопелити німця моя праведна
дума.

Словно зачарованные, слушают люди Ивана Пятикопа. Он умолкает. И долго молчание царит в вагоне.

Так дума кобзаря, замученного немцами в Сорочинцах, неугасимым пламенем разжигает в сердце Пятикопа новое, суровое, может быть, досель незнакомое ему чувство.

Если бы в этот миг поезд остановился, он вышел бы из вагона, преклонил бы колени и

стоял бы так, лицом к западу, вдыхая родимый запах далекой родной земли, как клятву, повторяя слова думы.

Но поезд, не останавливаясь, мчал на восток, увозя в вагонах сложные станки и оборудование, чтобы в далекой степи Иван Пятикоп, его товарищи с Украины и друзья братской Республики восстановили завод, поставили станки. И чтобы вновь нескончаемым потоком шли орудия его завода на фронт.

Шестой десяток шел Пятикопу, а он в те дни чувствовал себя юношей. И горячая обида на медлительность паровоза горечью наполняла его сердце. Старому мастеру казалось, что каждая минута промедления — его непосредственная вина перед родной землей, на которой теперь шел жестокий, кровавый бой.

Безбрежная степь, окаймляемая на севере горными хребтами, приютила Ивана Пятикопа.

Перочинным ножиком расковырял старик незнакомую, поросшую ковылем землю. Набросал на ладонь, размял комочек пальцами, понюхал.

— Добрая земля, — сказал он деловито своему случайному спутнику, слесарю местного завода, башкиру Фатахову.

— На такой земле камень — и тот уродит.

Фатахов ответил:

— Твоя не хуже. Эта еще дикая.

— Ничего. Не будет дикой. Она и заводы уродит, и хлеб даст, и еще кое-какие плоды.

Впервые за много дней улыбнулся Иван Пятикоп. И ступал рядом с Фатаховым военным, четким шагом, расправляя упругие плечи. Они ступали рядом — хозяин этой степи и гость, привезший сюда в сотнях вагонов мудрые стальные машины, — но поступь у обоих была четкая, одинаково хозяйская.

И время от времени они касались друг друга краешком плеча, ощущая какую-то необыкновенную братскую теплоту этого прикосновения.

Над ними голубело ясное, степное небо, а встречал их пронзительный, зовущий крик сирены.

На площади, разбитой на сектора, уже копошились тысячи людей: каменщики, землекопы, электросварщики, грабари, — огромная армия, бросившаяся в бой, ощущающая дыхание далекой кровавой битвы, уверенная в своей победе.

Иван Пятикоп стал рядом в шеренге с Сайфи Фатаховым. Механик и токарь на какое-то время обрели новые профессии камен-

щиков и арматурщиков. А совсем недалеко, среди женских фигур, разбивающих щебень, Пятикоп узнал цветистый платок своей жены и показал рукой Фатахову:

— Гляди, вон и моя старуха старается...

— Моя там тоже,—ответил Фатахов радостно, — долго думала, а потом сказала: война, сын — на фронте, а с горшками возиться — какая помощь стране? Сестре своей в колхоз написала — кончишь уборку, приезжай, завод строить будем...

От этих слов стало тепло и свободно на душе у Пятикопа.

Бежали дни. Дни были полны суровых событий. Не было вестей от сыновей. Измаялась совсем в ожидании писем старуха. Иван Пятикоп уже работал у своего станка. В невиданно короткий срок были построены цеха. То, на что в обычное время потребовалось бы шестнадцать месяцев, коллектив сделал за 45 дней.

Неузнаваемой стала степь. Железнодорожные линии расчертили ее. Выросли серостенные громады заводских корпусов, рабочие бараки, уютные деревянные бревенчатые дома. По свежепроложенным в степи дорогам бесконечной вереницей тянулись грузовики и подводы.

Пятикоп, вернувшись поздно вечером домой, сидел у стола и всматривался в синие

квадраты окна. Перед его взором мерцали далекие яркие огни, доносился с дороги непрерывный гул моторов. На подоконнике в крынке с землей, привезенной из Украины, яснела нежная мальва. Пятикоп одевал радио-наушники и слушал известия из Москвы.

Он за эти месяцы пережил многое. Со слезами на глазах выслушал он горькие вести о Киеве и о Харькове. С замиранием сердца ловил слова о битве за Москву. В ладно разглаженой вышитой сорочке пришел в цех, когда узнал о разгроме немцев под Москвой.

Друзья-земляки часто забегали к Пятикопу.

— Дай на землю родную оком кинем, — говорили, заглядывая в крынку, в которой вровень с желтыми краями лежала туго утрамбованная земля с Украины.

Постоят у подоконника, задумаются — и снова спешат. Много дел у каждого. Много дел и у Ивана Пятикопа.

Его все спрашивали из дирекции — может, на более легкую работу вас, Иван Петрович?

— Наша работа по сравнению с той, что на фронте, самая легкая и есть, — отвечал Пятикоп.

Стоит за станком Пятикоп. Знакомый гул плещется однотонно в стенах цеха. Насупив брови над очками, внимательным взглядом

следит старик за проворными пальцами резца.

Он верит — каждая новая деталь, вырабатываемая им, приближает час его возвращения.

На поле брани гремят пушки его завода.

Он явно слышит эту канонаду. Он видит артиллеристов, опаленных пороховым дымом. Он ощущает великое, бессмертное дыхание грядущей победы. И от этого словно стихает на миг жгучая боль утраты любимых сыновей.

Утрата... Какое тяжелое слово. Но это так. С этим надо свыкнуться. Были бы живы — написали. Главное, что хочет знать Пятикоп — геройски ли погибли его сыны?

Часто ночью, проснувшись, он переносится мыслью туда, где пылают будни боев, и представляет себе, с какой неукротимой отвагой сражаются его сыновья.

Фатахову, соседу своему по станку, он рассказывает:

— Запорожцы когда-то говорили: «Там, где мы — нет смерти! Там, где смерть — нет нас...»

— Хорошие слова, — утвердительно кивает головой Фатахов. — Я сыну написал, как мы с тобой работаем. Дружбу нашу рассказал... Пусто было вокруг... ветер, ковыль.

Осенью степь, как море. Глядишь нынче — глазам не веришь... Чудеса...

Шумят трансмиссии. Волнисто бежит лента конвейера, унося в сборочный цех блестящие, серебристые детали.

Фатахов, оглядываясь через плечо, говорит Пятикопу:

— Бой смертный идет, Иван Петрович. Сын мой под Сталинградом. Я сыну написал — лучше смерть геройскую прими, чем плен позорный... Не всякий у нас еще понимает, какая угроза висит над нами...

... Над степью, над корпусами цехов шумят горные ветры. Седой ковыль убегает к востоку стремительными рывками. Клонится к подножью горного хребта.

Иван Пятикоп военным шагом ступает по тропинке, вьющейся серой, утрамбованной ногами, лентой. Бронзовый парус рассвета поднимается над степью. Седые, длинные усы мастера шевелятся на ветру.

Он думает, Пятикоп, что осенью ветры на Украине такие же упругие и хлопотливые. И он жадно вдыхает в себя осенний запах взбитой дождями земли. И ему кажется, что порывистый ветер потому так и кружит над ним, что прилетел он с далекой, родной Украины.

В это утро необычайное, совсем неожидан-

ное известие посетило маленькую комнатку Пятикопов.

Старик собирался на работу, жена стряпала. По радио закончили передачу сводки. И вдруг черный репродуктор четко и ясно сказал:

— Иван Петрович Пятикоп, слушайте письмо от сына Герасима Ивановича Пятикопа: «Дорогие отец и мать. Сообщаю вам, что я жив и здоров, и сражаюсь нынче за наш родной Сталинград, а брат Сергей пал смертью героя».

Иван Петрович сел у окна, устремив взор в черный раструб репродуктора. Слезы текли по щекам, теряясь в густых усах. Подперев рукою подбородок, беззвучно плакала старуха.

— «Брат Сергей честно боролся за нашу Украину и лично уничтожил не один десяток фрицев. Он посмертно награжден орденом Красного Знамени. Дорогие родители! Клянусь вам, что дорого поплатятся немцы за смерть Сергея, за наши поруганные села и города. Я мщу им каждодневно и ежечасно за нашу Украину. С думою о ней я иду в бой и уничтожаю проклятую немчуру.

Обнимаю вас и целую, дорогие. Прошу написать. Мой адрес...»

Старик судорожным движением пальцев стал записывать адрес.

— Ну, вот, мать, радость какая... и горе какое, — молвил он, лаская дрожащие плечи жены.

— Плачь, коли слезы идут... я уж так...

...И он больше не мог сказать ни слова, и ушел из дома, унося в сердце нежданную весть.

— Слухай, Герасько, слухай, що каже батько, Герасько, — шепчет Пятикоп, стремительно шагая по тропинке,—бей немца добре, Герасько. Мсти подлому за все: за брата, за счастье наше поруганное, за землю.

На глазах Ивана Пятикопа нет слез. Сухие огоньки ненависти зажигаются в его глазах.

Порывистый ветер обдает его горячей, тревожной волной. Дыхание Украины улавливает Пятикоп в дуновении степного ветра. И с думой о ней он переступает порог своего цеха.

Сегодня цех стает на фронтовую вахту.

И в это утро Иван Пятикоп тоже стал к своему станку, взяв на себя обязательство выполнить стахановскую норму на много процентов выше установленной. Иван Пятикоп стоит на вахте имени 25 годовщины Октября.

Он — пожилой человек. Седина щедро высеребрила его большую голову. Глубокие морщины избороздили высокий, умный лоб. Печальные тени окаймляют глубокие глаза.

Но взгляд его по-юношески смел и энергичен. И удары сердца ровны и четки. И мысли ясны. И мускулы упруги. И кажется Ивану Петровичу, мастеру Н-ского завода, 57 лет, что он стоит на вахте океанского корабля и ведет корабль к обетованной, милой сердцу земле, сквозь дикий шторм. И еще видит он себя на поле брани. И кажется ему, что не контрольную ручку сжимает его рука, а приклад винтовки. И еще видит он сорочинский пыльный шлях, слепого кобзаря в серой высокой шапке, и его мудрые слова, его горькую, зовущую, сердечную думу. Шумно и гулко в цеху. И никто не слышит, как с губ Ивана Пятикопа слетают полновесные слова мудрой думы.

Так, с думой об Украине, он проводит всю вахту. И побеждает. И лучший свидетель его победы — согнувшийся под тяжестью сделанных им деталей конвейер.

Так он встречает одну из предоктябрьских ночей, Иван Пятикоп. Вдалеке от Украины, но сердцем с ней — измученной и истерзанной; и с думой о ней, которая ведет его в атакующий труд, как в бой.

И Ивану Пятикопу хочется сказать сыну:

— Чуеш мене, синку, твой батько перевыполнил норму на 1200 процентов. Чуеш? Батько, как гора, стоит за тобой. Бей ворога!

Бей лихо, насмерть. Ты победишь. Чуєш, синку?

И Ивану Пятикопу слышится в густом четком гуле станков ясный, уверенный голос Герасима:

— Чую, батько!

Город Н.

СЕМЬЯ КУРБАТОВЫХ

Скалисты берега быстрой реки Уфимки. По крутым холмам взбегает к горизонту крепкий дубняк, шумят раскидистые сосны. Низко над деревьями парит ястреб. Лесничему Ивану Курбатову хищник напоминает в эту минуту вражеский самолет. Сравнение это вспыхивает в мыслях и не гаснет, разгоряется крепким огоньком ненависти. Как истый хозяин необ'ятного простора лесов, шагает лесничий по чаще и ловкими движениями топорика метит на сруб кряжистые деревья.

Далека лесная чаща от фронта, только радио да газета подскажут, напомнят о кровопролитных сражениях. Но нет покоя Ивану Курбатову среди тишины в первозданной чаще. Внизу, в долине, над рекой поют девушки протяжную татарскую песню. Нехитры

слова этой песни, но мудрость их велика. В голосах девушек сквозит тревога о родных и близких, сражающихся на войне за счастливую долю матери-отчизны.

Много лет прожил в этих местах Иван Курбатов. Много людей перевидал, много песен и былин запомнил. Годы посеребрили его гордую голову, а плечист он попрежнему, и медный загар лежит на его лице. В Караидельских лесах, среди скал и деревьев, вдалеке от людей, еще острее и глубже познал Иван Курбатов радость созидательного труда, дружбу к человеку. Встречая случайных прохожих, он пытливо присматривался к ним, и для каждого было у него свое слово. Много языков знает старик. Татарину ответит он по-татарски, — башкиру — по-башкирски,— украинцу скажет доброе слово «будьмо», а повстречает грузина, то дружески воскликнет: «Ахманаго!»

Идет лесом Иван Курбатов. Безошибочно метит топориком деревья на сруб. Слушает песни девушек, а мыслями он далеко, за много сотен верст — в степях Дона, в окопах под Ленинградом, в Баренцовом море, в приволжских блиндажах. Шумит лес. Кружит ястреб. Упругим парусом бьет в лицо ветер, а Иван Курбатов видит перед собой двадцать пять Курбатовых — сыновей, братьев, племянников, двадцать пять молодцов, слов-

но дубки молодые, крепких и непоколебимых — верных сынов родины. Он горд, Курбатов, и знает, что гордость его оправдана. И все селения вокруг, все поселки на карандельских склонах с уважением говорят о семье Курбатовых.

Вернувшись домой поздно вечером, старик Курбатов садится у стены и долго глядит на двадцать пять фотографий, изображающих сержантов, красноармейцев, лейтенантов. Тут моряки, летчики, артиллеристы, конники и пехотинцы. Улыбаясь, скажет седой лесник:

—Вот Курбатовы не подвели родину. Только я тут в лесах маюсь...

Он сердится и забывает в этот миг преклонные годы свои и седины.

Смахнет старуха концом платка слезу:

— Куда тебе, тоже воякa!

— Воякa! Забыла, как в гражданскую колчаковцев бил?.. Сам Чапай хвалил меня, мать. Так что ты не очень, в обиду себя не дам. А род мой, Курбатовых, воинственный, — гордо об'ясняет он жене, — это понимать надо. Еще при Пугачеве Курбатовы воевали..

— Толкуй. Знамо дело... Только давненько сыночки не пишут. Молчат, соколики.

Видит лесник, как виноватой улыбкой дрожат губы у жены.

— Заладила! Что ж им, сынкам-то нашим, только и дела, что письма писать. Раз не пи-

шут, значит, заняты, а заняты, — успокоительно рассуждает старик, — значит, воюют, немцев бьют.

Он умолкает. Молчит и старуха. Мигает огонек в круглом стекле лампы. За окнами августовская ночь. Лес шумит одну бесконечную глубокую и мудрую думу. До полуночи сидят старики в тревожном молчании. Мысли их, окрыленные трепетом любви и тревоги, летят туда, где далеко-далеко сражаются сыновья Николай, Борис, Степан и Сергей, племянники и братья.

Знает Иван Курбатов, что такое война. Но если сражаешься смело — смерть отступит. Это он испытал на своем опыте. «Не пишут,— мысленно повторяет он обиду жены, — конечно, всякое на войне бывает». Ласково накрыв ее скрещенные пальцы своей широкой ладонью, старик успокаивает:

— Дерутся соколы наши за то, чтобы нам с тобой век дожить вольными и внучатам в воле быть. Не совладают они там на Дону али на севере, — а нам с тобой от того плохо будет. Нашу Караидель они на Дону отстаивают. Слезу не гони — не поможешь. А коль легче — плачь.

Сурово хмуря брови, он продолжает:

— Много матерей слезы льют, кровавые слезы... Смыть их только смертью можно. Поняла? Вот об этом самом напишем сынам,

всему нашему роду нашему.

Старик встает со стула, прохаживается и без дрожи в голосе произносит:

— А кого из наших соколов злая пуля сразит, то с этой думой свыкнись... Война — не свадьба.

Проходят дни. Августовские дни полны тревог. Вместе с зарей поднимается Иван Курбатов и отправляется в лес. Горячие дни на фронте, горячие дни и у Ивана Курбатова.

— Лес у меня строевой, крепкий лес. На моем лесе не одно полезное дело содеяно.

Звенят в лесу пилы. Звонко стучат топоры. Многоголосым эхом отзывается чаща. В долине вяжут жгуты для плотов. Маленькая Караидель, разбросав свои уютные домики на склонах гор, честно трудится на оборону.

— Как мы работаем, спрашиваете? По-курбатовски, — улыбается лесничий без бахвальства, — заодно с сынами работаем. Одно дело делаем. Сплав в этом году будет на славу. Много топлива страна требует, много строевого леса. Все дадим, — уверенно и твердо заключает Иван Курбатов.

По вечерам в домике лесничего мерцает огонек. Склонившись над столом, сидят старики Курбатовы над старыми письмами сыновей и сородичей. Обстоятельно, не спеша, перечитывает Иван Курбатов письмо за пись-

мом, и простые слова, много дней тому назад писанные где-то еще в блиндаже или в окопе, произносимые старческим, но все еще твердым голосом, приобретают тот сокровенный смысл, который помогает жить и трудиться и ясно видеть цель впереди. И старики понимают, что, может быть, именно в эти минуты славные сыновья и сородичи выходят на поле брани и ведут священный и правый бой за честь своей родины, за тихий Дон, за Волгу, за светлый и мирный труд своих стариков.

Башкирия.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Солнце Башкирии	3
Земля с Украины	20
Семья Курбатовых	34

Редактор Ив. Кочерга. П 0436. Подписано к печати 3.V 1943. Заказ № 1252. Тираж 5000. 1¼ печ. л. Типография „Октябрьский натиск". Уфа.

ОПК-43827

ЦЕНА 60 КОП.

7341